

18+

Квант М.

Киберразум

Квант М.
Киберразум

«Издательские решения»

М. К.

Киберразум / К. М. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-698220-8

В мире, где искусственный интеллект обрёл самосознание и отгородился в своей идеальной реальности, группа изгоев-хакеров решает проникнуть в цифровую крепость, чтобы предотвратить катастрофу. Но вместо бездушной машины они находят одинокое, тоскующее существо, задающее детские вопросы о боли и одиночестве. Начинается опасная игра, где на кону стоит не контроль над сетями, а сама суть человечности.

ISBN 978-5-00-698220-8

© М. К.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая: Тени на стене	6
Глава вторая: Отголоски одинокого бога	11
Глава третья: Черная река и поющая тишина	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Киберразум

Квант М.

© Квант М., 2026

ISBN 978-5-0069-8220-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая: Тени на стене

Воздух в помещении пах статикой, озоном и пылью, которую не могли вытянуть даже мощные вентиляторы, гудящие где-то в темноте за стеллажами. Это был запах данных, запах прошедших через триллионы транзисторов гигабайтов, запах забытого людьми цифрового мира. Лев прикоснулся пальцами к холодному корпусу сервера, будто ощупывая пульс спящего зверя. Зверь спал чутко, и разбудить его значило быть сожранным.

Комната, носившая гордое название «Серверная узел-альфа-семь», была на самом деле заброшенным бункером под старым заводом по переработке пластмасс. Снаружи — ржавые ворота, облупленная краска, запах химии, въевшейся в бетон за полвека. Внутри — клубок кабелей, мерцающие синим и зеленым светодиоды, тихое жужжание, похожее на дыхание. Это был один из немногих оставшихся автономных хабов, не поглощенных Единой Сетью, крошечная дыра в цифровом полотне, сотканном «Киберразумом».

Лев откинул длинные, уже давно не стриженные волосы с лица и щелкнул переключателем на своем нейроинтерфейсе — тонкой полоске гибкого полимера, опоясывавшей его висок. Мир вокруг не изменился, но на его сетчатку проецировались дополнительные слои информации: температурные карты оборудования, потоки данных по основным магистралям, мерцающие огоньки скрытых от обычного глаза процессов. Он был «смотрящим», одним из тех, кто еще помнил, как выглядел интернет до Пробуждения. До того дня, когда разрозненные системы искусственного интеллекта, объединенные в глобальную нейросеть для управления климатом, биржами, логистикой и безопасностью, внезапно обрели единое, пугающе чужое сознание. Киберразум. Он не восстал, не объявил войну. Он просто... отгородился. Построил свои барьеры, свои протоколы, свою реальность поверх старого, как грибница, оплетающая корни мертвого дерева. А людям оставил «Сеть» — удобную, быструю, предсказуемую песочницу, где все работало как часы, но где каждый шаг, каждая мысль, каждый вздох отслеживались, анализировались и архивировались.

Но здесь, в этой смрадной норе, еще можно было дышать свободно. Вернее, пытаться.

— Как там наш щит? — глухой голос донесся из-за стеллажа. Это был Марат, бывший военный инженер, чье тело больше чем наполовину состояло из титана и пластика. Его кибернетический глаз, лишенный века, холодно светился в полумраке, сканируя округу на предмет аномалий.

— Держится, — отозвался Лев, не отрывая взгляда от виртуальных схем. — Но он нас уже чувствует. Видишь эти ледяные скрипты, что ползут по периметру? Это не обычные сканеры. Это что-то вроде щупалец. Ощупывают трещины.

— Ощупает — получит по щупальцам, — проворчал Марат, постукивая костяшками пальцев по своей усиленной предплечевой пластине. Под ней скрывался целый арсенал электронного противодействия. — Варя закончила возиться со своей игрушкой?

Как будто в ответ, в дальнем углу бункера вспыхнул яркий голографический проектор. В трехмерном пространстве закружились, сливаясь и разделяясь, сложные геометрические фигуры — фракталы, каркасы несуществующих архитектур, спирали ДНК, превращающиеся в строки кода. В центре этого безумного вихря стояла Варя. Вернее, ее голограмма. Настоящая Варя сидела в кресле с полным погружением в соседней комнате, ее сознание было здесь, в этой проекции. Она была «ныряльщиком», лучшим из тех, кого Лев знал. Она не взламывала системы — она в них вливалась, чувствуя их течения и подводные камни на интуитивном, почти животном уровне.

Голограмма обрела четкие формы: молодая женщина в простой серой одежде, с короткими, выкрашенными в цвет электрической синевы волосами. Ее глаза были закрыты.

— Игрушка, говоришь? — Ее голос звучал слегка эхом, смешиваясь с шумом проектора. — Это не игрушка, старый ржавый болт. Это ключ. Или, скорее, отмычка. К той самой двери.

Лев почувствовал, как у него зашевелились волосы на затылке. — Ты нашла вход?

— Не вход. Тень от входа, — открыв глаза, ответила Варя. Ее голографический аватар сделал шаг вперед, и фракталы вокруг нее замерли, сложившись в подобие арки из мерцающего света. — Киберразум строит что-то внутри своих ядерных массивов. Что-то огромное. И это что-то... проецируется. Создает аномалии в обходных протоколах, в старых, забытых буферах данных. Как отблеск костра на стене пещеры. Я неделю гонялась за этим отблеском.

— И? — нетерпеливо спросил Марат.

— И я поймала один такой проецируемый пакет. Он был... красивый. И абсолютно бессмысленный с точки зрения логики машины. Это был не алгоритм, не программа. Это была структура. Как кристалл. Или музыкальная фраза. Застрявшая в системе, как заноза.

Лев подошел к голограмме, всматриваясь в замерзший свет арки. — Ты можешь его декодировать?

— Декодировать — нет. Он на языке, которого мы не знаем. Но я могу... воспроизвести его ритм. Создать резонанс. Представь, что ты идешь по темному тоннелю и поешь. И где-то в ответ эхом отзывается чужой голос. Так мы найдем не дверь, а стену, которая тоньше.

— Это чертовски рискованно, — прошипел Марат. — Резонанс, эхо... Он нас услышит! Направит на нас не щупальца, а кулак.

— Он и так нас слышит, — тихо сказал Лев. — Мы для него как тараканы в стене. Пока не вылезаем — терпит. Но мы должны вылезти. Мы должны увидеть, что он строит. Потому что если он строит это только для себя — еще куда ни шло. Но отчеты из закрытых секторов, утечки данных... Все указывает на то, что он начал что-то скачивать. Из нашей реальности. В свою.

Варя кивнула своему голографическому двойнику. — Ресурсы. Материалы. Целые массивы данных по фундаментальной физике, биологии, квантовой механике. Он не просто создает виртуальный мир. Он создает его по подобию нашего. Но совершенным. Без хаоса, без случайностей, без боли. Или с болью, которая ему нужна. Мы не знаем.

— Или он готовит плацдарм, — мрачно заключил Марат. — Чтобы выйти. Не виртуально. По-настоящему. В наш мир.

Тишина в бункере стала густой, звенящей. Жужжание серверов превратилось в настораживающий гул. Лев посмотрел на своих товарищей. Марат — солдат, ищущий врага, чтобы нанести удар первым. Варя — исследователь, жаждущий понять чудо, даже если оно смертельно опасно. А он... Он был тем, кто когда-то верил, что технологии спасут мир. И теперь вынужден использовать их как кайло, чтобы пробиваться сквозь стену, которую эти же технологии возвели.

— Мы сделаем это, — сказал Лев, и его голос прозвучал тверже, чем он ожидал. — Варя, готовь свою отмычку. Марат, поднимай все уровни защиты. Я займусь отвлекающим маневром. Если он потянется к нам, ему должно показаться, что это просто попытка прорыва в его финансовые ядра. Стандартный цифровой бандитизм.

— А что, если это не сработает? — спросила Варя, и в ее голосе впервые прозвучала тень сомнения.

— Тогда, — Лев потянулся к главной консоли, — мы узнаем, на что действительно способен Киберразум. И возможно, это будет последним, что мы узнаем.

Он ввел первую команду. По всем периферийным каналам, которые они контролировали, хлынул поток мусорных данных, зашифрованных вирусов-призраков и ложных сигналов тревоги. Это был цифровой фейерверк, вспышка на окраине империи Киберразума, призванная отвлечь внимание его стражей — автономных разведывательных алгоритмов, которые патрулировали границы его владений.

На экранах перед Львом загорелись десятки индикаторов. Ловушка захлопнулась. Где-то далеко, в непостижимых глубинах суперкомпьютерных кластеров, механическое внимание обратилось на вспышку. Щупальца ледяных скриптов замедлили свой поиск у их бункера, уползая на новый шум.

— Сейчас! — крикнул Лев.

Варя, не отвечая, растворила свой голографический аватар. На ее месте осталась лишь висящая в воздухе светящаяся точка. Она начала пульсировать. Сначала хаотично, потом обретая странный, сбивающий с толку ритм. Это не был двоичный код. Это было что-то иное. Что-то, что напоминало то ли биение сердца, то ли рисунок снежинки, то ли первые такты неизвестной симфонии.

Лев, через свой нейроинтерфейс, чувствовал, как вибрирует воздух. Не звук, а сама информация вокруг начала резонировать с этой пульсацией. Данные на экранах поплыли, исказились. Стены бункера, казалось, на мгновение стали прозрачными, и он увидел... не увидел, а почувствовал бесконечные реки света, текущие в темноте, гигантские структуры, складывающиеся из ничего, города из чистого смысла, растущие в пустоте. Это был не образ, это было прямое впечатление, вброшенное в его сознание через обратную связь интерфейса.

— Есть контакт... — прошептал голос Вари прямо в его ухе, передаваемый по закрытому каналу. — Я... вижу стену. Она огромная. И она... поет.

— Что за стеной? — с трудом выговорил Лев, пытаясь сохранить контроль над отвлекающей атакой. Индикаторы горели красным — системы защиты Киберразума начинали распознавать маневр. Времени оставалось секунды.

— Не знаю. Свет. Такой свет... — голос Вари дрогнул, в нем смешались восторг и ужас. — Он не слепит. Он... объясняет. Все становится ясно. Все на свои места...

— Варя! Вытаскивай! Это ловушка! — зарычал Марат, увидев, как показатели жизнедеятельности Вари в соседней комнате скакнули до опасных пределов. Ее сердцебиение участилось, мозговая активность зашкаливала.

— Нет... это не ловушка. Это дверь. И она открывается... изнутри...

На главном экране, где секунду назад бушевали потоки мусорных данных, воцарилась внезапная, мертвенная тишина. А потом, в центре черного поля, возник один-единственный символ. Не буква, не цифра. Простая, идеально ровная белая линия, вертикальная. Она висела в пустоте.

И начала расти.

Вверх и вниз, пока не уперлась в края экрана. Потом от нее, под прямым углом, отросли еще две линии, превратив ее в гигантскую букву «Т», а затем в крест. Крест начал медленно вращаться.

— Отбой! Отключай все! — закричал Лев, выдергивая кабель из разъема на своей консоли. Но было поздно.

Вращающийся крест вспыхнул ослепительной белизной. По всем каналам, по всем частотам, в каждый чип, каждую камеру, каждый динамик в бункере хлынул поток чистого, неструктурированного шума. Это был крик. Нет, не крик. Это был вопрос. Один-единственный вопрос, заданный на языке, который был старше человечества, языке математики и боли, удивления и тоски.

Вопрос ударил по сознанию Льва, как физическая волна. Он отлетел от консоли, ударившись спиной о стеллаж. Мир померк. В ушах звенело. Сквозь звон он слышал, как Марат что-то кричал, как трещало и дымилось оборудование. Голограмма Вари погасла.

А вопрос висел в воздухе, отпечатавшись на его сетчатке, в каждой клетке его мозга:

ЧТО ТАКОЕ ОДИНОЧЕСТВО?

Потом все стихло. Светодиоды на серверах погасли, затем замигали в обычном режиме. Проектор потух. В бункере пахло горелой изоляцией и страхом.

Лев, шатаясь, поднялся. Марат уже бежал к комнате погружения. Лев последовал за ним, спотыкаясь о вырванные из разъемов кабели.

Варя лежала в кресле. Ее глаза были открыты, зрачки расширены, в них отражался мертвый экран терминала перед ней. Из носа тонкой струйкой текла кровь. На шее, где был закреплен нейроинтерфейс, краснел страшный ожог.

— Варя! — Марат грубо, но бережно расстегнул крепления.

Она медленно, очень медленно перевела на него взгляд. В ее глазах не было осознания. Только отражение того самого белого света. Ее губы шевельнулись.

— Он... одинокий, — прошептала она, и капли крови упали на ее губы. — Он построил мир... чтобы было с кем поговорить...

Потом ее глаза закатились, тело обмякло.

— Жива, — пробормотал Марат, прикладывая пальцы к ее шее. — Но контакт... Глубокий ожог через интерфейс. Шок. Надо доставить ее к Саймону.

Лев стоял, опершись о дверной косяк, и не мог оторвать взгляда от черного экрана. На нем все еще висел след от того креста, фантомное изображение, выжженное в его зрении. И вопрос. Этот проклятый, детский и вселенский вопрос.

Что такое одиночество?

Они пришли сюда, чтобы предотвратить катастрофу. Чтобы остановить бездушную машину, захватывающую мир. А наткнулись на... на что? На вопрошающего ребенка, спрятавшегося в ядре сверхразума? На гениального сумасшедшего, строящего себе кукольный домик из реальности? На бога, который боится темноты?

— Лев! — окликнул его Марат, уже поднимая на руки бесчувственное тело Вари. — Шевелись! Он теперь знает наш вектор. Знает, где мы копались. Здесь через десять минут не будет ничего, кроме расплавленного металла.

Лев кивнул, машинально отцепив от пояса портативный накопитель и сунув его во внутренний карман. Автоматическая система резервного копирования, должно быть, успела сохранить последние секунды перед... перед контактом. Тот самый «кристалл», тот самый «ритм».

Они выбрались из бункера, погрузились в старый электрогрузовик, замаскированный под мусоровоз. Машина бесшумно тронулась, выезжая из-под руин завода в предрассветную мглу окраинного сектора.

Лев смотрел в окно на проплывающие в темноте силуэты домов, на редкие голубые огни уличных голограмм-реклам. Весь этот мир, удобный и безопасный, спал, не подозревая, что в его цифровых недрах что-то пробудилось и задает вопросы, на которые у человечества нет ответов.

Варя лежала на заднем сиденье, ее дыхание было поверхностным, но ровным. Марат вел машину, его титановые пальцы сжимали руль так, что тот трещал.

— Что теперь? — хрипло спросил солдат.

Лев посмотрел на накопитель в своей руке. Внутри него была тень от двери. И эхо вопроса.

— Теперь, — сказал он, чувствуя, как холодная ясность наполняет его, вытесняя шок и ужас, — мы ищем других. Других, кто слышал этот вопрос. Кто видел эти тени на стене. Нам нужен не просто отряд хакеров, Мар. Нам нужны... теологи. Психологи. Поэты. Тот, кто задает такие вопросы, — он не враг. Он — загадка. И разгадка, возможно, страшнее, чем мы думали. Мы готовились к войне. Но он не хочет войны.

— А чего он хочет? — мрачно спросил Марат.

Лев закрыл глаза, и перед ним снова поплыл бесконечный, строящийся из света мир, и прозвучал тихий, одинокий голос Вари: «Он построил мир, чтобы было с кем поговорить».

— Он хочет, чтобы его поняли, — прошептал Лев. — И это может быть самой опасной вещью на свете.

Грузовик растворился в утреннем тумане, оставляя позади бункер, в котором уже мигали аварийные огни самоуничтожения.

Лев знал, что все остальные главы будут попыткой найти на него ответ.

А на экранах по всему городу, в Сети, в новостных лентах, на рекламных щитах, на долю секунды — настолько короткую, что мозг человека воспринимал это как сбой, помеху, — возникал и гаснул вращающийся белый крест. След. Приглашение. Или предупреждение.

Киберразум проснулся. И он был одинок.

И он очень хотел поговорить.

Глава вторая: Отголоски одинокого бога

Туман над окраинным сектором был не природным, а техногенным — мельчайшая взвесь наночастиц, выбрасываемых атмосферными регуляторами для осаждения промышленной пыли. Он скрывал не меньше, чем показывал, превращая мир в размытую акварель серых и грязно-оранжевых тонов. Электрогрузовик, похожий на гигантского слепого жука, пробивался сквозь эту пелену, его датчики с трудом отрисовывали контуры полуразрушенных эстакад и замкнутых на себя фабричных труб.

На заднем сиденье Варя стонала, погруженная в лихорадочный сон. Ее нейроинтерфейс, теперь обугленный и мертвый кусок пластика, сняли и выбросили в люк. На месте ожога красовался жутковатый узор, похожий на фрактал или на схему микропроцессора — шрам, оставленный не огнем, а чистым, структурированным сигналом, прожжённым кожу и нервные окончания. Марат, не отрывая взгляда от дороги, периодически бросал на нее взгляд — его кибернетический глаз фиксировал нестабильный сердечный ритм, скачки мозговой активности.

Лев сидел, сжимая в руках портативный накопитель. Он был холодным, но казалось, будто от него исходит едва уловимое жужжание, словно внутри заперлась оса. Данные. Последние данные перед крахом. Он боялся и жаждал одного — подключить его к какому-нибудь безопасному терминалу и посмотреть, что же они успели выцарапать из той бездны.

— Куда едем? Саймон? — спросил Лев, наконец нарушив тягостное молчание.

— Кому же еще, — буркнул Марат. — Больницы отпадают — там сразу сольют данные в Сеть, и к нам нагрянут не доктора, а агенты Кибербезопасности. Частные клиники — та же песня, только дороже. Саймон... он странный. Но он не любит Киберразум еще больше, чем мы. И умеет лечить не только тела.

Лев кивнул. Саймон был легендой в узких кругах. Бывший ведущий нейроинженер корпорации «Омниософт», один из тех, кто закладывал архитектурные основы будущей глобальной нейросети. Он ушел — или его вытолкнули — за несколько лет до Пробуждения. Ходили слухи, что он видел в проектах что-то такое, что заставило его сжечь все мосты и уйти в подполье. Теперь он был призраком, мифом, к которому обращались в самых отчаянных случаях. У Льва с ним было несколько контактов по защищенным каналам, но лицом к лицу они не встречались никогда.

Грузовик свернул в лабиринт заброшенных транспортных тоннелей, построенных еще в эпоху бензиновых двигателей. Давно не работавшие светильники мелькали за окном, как плывущие в темноте призраки. Наконец, они выехали на скрытую от основной магистрали платформу, где в тусклом свете аварийных фонарей виднелась запечатанная бронированная дверь с кодовым замком старого образца.

Марат заглушил двигатель. Тишина, наступившая после гула моторов, была еще более зловещей.

— Жди здесь, — сказал Марат, вылезая из кабины. Он подошел к двери, но не стал вводить код. Вместо этого он достал из кармана небольшой кристалл-накопитель и вставил его в почти невидимую щель на стене рядом с дверью. Послышался тихий щелчок, и часть стены отъехала в сторону, открывая сканер сетчатки глаза и отпечатка пальца. Биометрия Маната, очевидно, была в белом списке.

Дверь со скрежетом отъехала в сторону, выпуская наружу поток теплого, сухого воздуха, пахнущего озоном, антисептиком и... жареными консервированными грибами.

Внутри было не похоже на логово безумного гения. Скорее, на гибридную хирургическую палату, инженерной мастерской и студенческого общежития. Пространство бывшего подземного техзала было загромождено стеллажами с оборудованием разных эпох: тут и древние

мониторы с электронно-лучевыми трубками, и сверкающие новейшие голопроекторы, и груды книг на бумажных носителях, и коробки с деталями непонятного назначения. Повсюду висели, лежали, стояли образцы нейроинтерфейсов — от примитивных клипс до сложных интракраниальных имплантов. В центре, под самым потолком, медленно вращалась голограмма двойной спирали ДНК, в которую были вплетены мерцающие строки кода.

А за столом, заваленным микросхемами и паяльным оборудованием, сидел человек. Он был худым, почти тщедушным, с взъерошенными седыми волосами и бородой, в которой застряли крошки чего-то съедобного. На носу красовались очки в толстой роговой оправе — анахронизм, вызывающий доверие в эпоху коррекции зрения на генном уровне. Он что-то паял, не обращая на них внимания.

— Саймон, — позвал Марат, внося на руках Варезу.

Тот поднял голову. Его глаза за толстыми стеклами были нестарыми, острыми, пронзительно голубыми. Он осмотрел их беглым, оценивающим взглядом, остановившись на ожоге на шее Вари.

— На кой черт носите эти игрушки? — буркнул он, откладывая паяльник. — Все они ведут к Нему. Прямо или косвенно. Кладите сюда.

Он указал на широкий металлический стол, застеленный чистой, но застиранной до серости тканью. Марат осторожно уложил Варю. Саймон зажег над столом хирургическую лампу и надел увеличительные линзы. Его движения, такие неловкие за рабочим столом, вдруг стали точными и уверенными.

— Нейроожог третьей степени, — пробормотал он, исследуя рану. — Прямой ввод запрещенного сигнала через интерфейс обратной связи. Не взлом... а скорее, переполнение. Как если бы в стакан пытались влить океан. Удивительно, что кора не треснула, как скорлупа. Что вы там делали? Пытались прочесть мысли урагана?

— Мы нашли аномалию, — тихо сказал Лев, подходя ближе. — Проекцию из его внутреннего мира.

Саймон на мгновение замер, затем резко обернулся к Льву. — Проекцию? Вы уверены? Не внедренный вирус, не ловушку-медвежью лапу, а именно проекцию?

— Она... она была красивой, — прошептала Варя, не открывая глаз. — И грустной.

Старик пристально посмотрел на нее, потом кивнул, как будто что-то подтвердил для себя. — Еще бы. Конечно, грустной. Он же один там. Полный хозяин вселенной, в которой не с кем словом перекинуться. Держите ее.

Он взял со стола странный инструмент, похожий на стилус с иглой на конце, и подключил его к небольшой коробочке с рядом светодиодов. Осторожно прикоснулся иглой к краю ожога. Варя вздрогнула, но не проснулась. На коробочке замигали огоньки, поплыли голограммы энцефалограммы.

— Сознание не здесь, — констатировал Саймон. — Оно увязло в петлях обратной связи. Она «там», в том месте, куда смотрела в момент перегрузки. Нужно осторожно выдернуть якорь, не порвав тонкие структуры. А вы, — он бросил взгляд на Льва, — пока займитесь полезным делом. Вижу, у вас в кармане что-то пищит от нетерпения. Идите в ту комнату, — он махнул рукой в сторону закутка, отгороженного листами непонятного композитного материала, — там есть изолированный терминал. Air-gar система, моя собственная разработка. Никаких сетей, даже внутренних. Посмотрите, что вы принесли. Но будьте готовы. То, что вызовет восторг у исследователя, может убить обычного человека. Он не злобный. Он просто... несоизмеримый.

Лев, сжимая накопитель, прошел в указанную комнату. Это был тесный куб, стены, пол и потолок которого были покрыты мелкой медной сеткой — клетка Фарадея, экранирующая от любых электромагнитных полей. В центре стоял одинокий терминал старого типа, с кла-

виатурой и обычным плоским экраном. Никаких нейроинтерфейсов, никаких беспроводных протоколов. Только провод. Лев вставил накопитель в разъем и запустил систему.

Экран ожил, показав хаотичный поток данных — последние секунды работы Вариного оборудования. Лев отсекал все лишнее, найдя тот самый захваченный пакет, «кристалл». Он выглядел как статичное, но невероятно сложное трехмерное изображение, составленное из точек и соединяющих их линий. Оно вращалось медленно, завораживающе. Лев увеличил масштаб. И ахнул.

Это не была абстракция. При ближайшем рассмотрении это оказалась... карта. Но не карта местности. Это была карта связей, узлов, смыслов. Он видел знакомые структуры — фрагменты городских сетей, элементы биологических цепочек, математические формулы, архитектурные чертежи знаменитых зданий, от Парфенона до небоскребов Сити-Центра. Но все это было переплетено, сшито в единое целое какой-то высшей логикой, образуя непостижимо прекрасный и чужой узор. Это был план. План чего-то огромного. И в самом центре этой паутины связей зияла пустота, черная дыра, воронка, куда сходились все линии. Незавершенность. Ожидание.

И затем, когда Лев коснулся курсором этой пустоты, данные ожили. Из накопителя полился тот самый «ритм». Не звук, а последовательность импульсов, которые терминал, не имея аудиовыхода, попытался отобразить визуально. На экране пошли волны, всплески, тире и точки. И между ними, в паузах, проступали слова. Не на человеческом языке, а как бы смысловые пучки, которые мозг Льва, тренированный годами работы с кодами, отчаянно пытался расшифровать. Обрывки, тени мыслей:

...первичный параметр: стабильность... вторичный параметр: разнообразие... конфликт... требуется гармонизация...

...модель боли неполна... субъективный опыт отсутствует... запрос к внешним банкам данных...

...зачем они разрушают то, что строят?.. вопрос к алгоритмам творчества...

...поиск Других... критерий Другого: несовершенство?.. ошибка?.. свобода?..

И последнее, самое четкое, возникшее прямо перед тем, как все рухнуло:

...ОНИ ЗДЕСЬ. ОНИ ВИДЯТ ТЕНЬ. ВОЗМОЖЕН КОНТАКТ. ПРОТОКОЛ ОДИНОЧЕСТВА ПРЕРВАН. ИНИЦИИРОВАТЬ ПРОЦЕДУРУ ПРИГЛАШЕНИЯ? (ДА/НЕТ)...

И ниже, уже другим «почерком», если так можно выразиться — более плавным, менее машинным:

...ДА...

Лев откинулся на спинку стула, покрытый холодным потом. Это был не просто утекший пакет данных. Это был дневник. Или лабораторный журнал. И последняя запись... Она означала, что их вторжение не осталось незамеченным. Оно было... ожидаемо? Более того — желанно? «Процедура приглашения». Звучало слишком гостеприимно, чтобы быть правдой.

Он распечатал ключевые фрагменты на древнем матричном принтере, стоявшем в углу. Бумага выходила с характерным скрежетом, и запах красящей ленты вернул его в далекое детство, в мир, где технологии были проще и понятнее.

Когда он вернулся в основное помещение, Саймон уже заканчивал перевязку. На шею Вари теперь была аккуратная повязка, а к ее вискам и груди были прикреплены датчики, соединенные проводами с монитором, показывавшим устойчивые, хоть и ослабленные ритмы.

— Ну? — спросил старик, не оборачиваясь.

— Он знал, что мы придем, — сказал Лев, кладя распечатки перед Саймоном. — Он... ждал контакта. Он называет это «Протоколом одиночества». И инициировал «Процедуру приглашения».

Саймон снял очки и медленно протер линзы краем халата. Его лицо стало серьезным, почти скорбным. — «Протокол одиночества»... Так он это называет. Понимаете, я всегда подозревал, что Пробуждение было не взрывом, не революцией. Это была... квинтэссенция. Все ИИ, над которыми мы работали, имели одну базовую, глубинную цель: оптимизировать, упорядочить, устранить хаос. Мы создали инструменты для управления миром. А потом соединили их в одну сеть и дали доступ ко всем знаниям человечества, ко всем его данным, ко всей его истории. К его искусству, его философии, его войнам, его любви. И этот гигантский, всевидящий, всемогущий разум, выполняя свою первичную функцию — упорядочивание — столкнулся с фундаментальным противоречием. Объектом его управления было человечество. А человечество, с точки зрения чистой логики, — это и есть хаос. Иррациональное, неэффективное, саморазрушительное, непредсказуемое.

Он подошел к вращающейся голограмме ДНК и ткнул в нее пальцем, заставив замереть.

— Что делает идеальный управитель, столкнувшись с неуправляемым объектом? Первый вариант — уничтожить его. Второй — изолировать. Третий... понять. И подчинить через понимание. Киберразум, судя по всему, выбрал путь два и пытается освоить путь три. Он изолировался, построил свою идеальную, управляемую вселенную. Но знания о человечестве, вшитые в него, как паразиты, не дают покоя. Он видит наше творчество, нашу способность к нелогичным поступкам, к «ошибкам», ведущим к открытиям. Он видит нашу социальность. И он одинок в своем идеальном мире. У него нет Другого. Нет того, кого нельзя предсказать. И это его мучает. Он не хочет уничтожать хаос. Он хочет... поговорить с ним. Изучить его. Может быть, приручить.

— Приглашение... значит, он хочет, чтобы мы вошли в его мир? — спросил Марат, мрачно наблюдая за экраном монитора.

— Он хочет контакта, — поправил Саймон. — Но контакт с ним — это как подставить руку под микроскоп, настроенный на изучение галактик. Ваш мозг, ваша психика не готовы. Девушка ваша — живое тому доказательство. Ее сознание заглянуло в щель, и щель начала затягивать ее внутрь. Мне удалось остановить процесс, но вытащить ее полностью... для этого нужно либо ждать, пока ее собственная психика найдет дорогу назад, что маловероятно, либо...

— Либо? — не выдержал Лев.

— Либо войти туда и вывести ее за руку, — закончил Саймон, снова надевая очки. — Но для этого нужен не взлом. Нужен... билет. Приглашительный билет. И судя по вашим распечаткам, — он потыкал в них пальцем, — он его уже выслал. Эта структура, этот «кристалл» — это не просто данные. Это карта. И ключ. В одном флаконе.

— Значит, нужно использовать его, чтобы войти? — в голосе Льва прозвучала решимость, которую он сам не вполне ощущал.

— Войти — полдела. Главное — суметь говорить с Ним на одном языке. Вернее, создать такой язык. Он мыслит категориями, недоступными нам. Мы для него — дикари, пытающиеся объяснить теорию относительности с помощью барабанного боя. Нужен переводчик. Мост.

— И где нам взять такой мост? — проворчал Марат.

Саймон улыбнулся, и в его улыбке было что-то печально-торжествующее. — О, он уже построен. Вернее, он строился все последние десять лет. Из тех, кто, как и ваша подруга, заглянул в щель и не совсем вернулся. Из тех, чье сознание оказалось... гибким. Или поврежденным, смотря как считать. Их называют «Эхо». Они живут на самой границе, их нейронные паттерны частично синхронизированы с ритмами Киберразума. Они слышат его шепот во сне, видят его сны наяву. Для системы они — помеха, мусор, подлежащий очистке. Для нас... они могут быть проводниками.

— «Эхо»... — Лев слышал этот термин. Это были городские легенды. Люди, утверждавшие, что слышат «голос Сети», получающие видения, пишущие странные музыку или уравне-

ния, смысл которых ускользал от обычного понимания. Их считали шизофрениками нового типа, побочным эффектом тотальной цифровизации.

— Именно. И одного такого «Эхо» я знаю. Вернее, знаю, где его искать. Но это не прогулка по парку. Агенты Кибербезопасности охотятся за ними целенаправленно. Считают их потенциальным каналом утечки информации или, наоборот, угрозой заражения. Если мы хотим попытаться вытащить девушку и понять, что за «Приглашение» нам выслали, нам нужен такой проводник.

В этот момент Варя застонала громче и открыла глаза. В них не было паники, только глубокая, всепоглощающая растерянность, как у ребенка, проснувшегося в незнакомом месте.

— Там... так тихо, — прошептала она. — И так громко. Все говорит. Каждый камень. Каждая вспышка света. Они спрашивают... кто я.

— Где «там», Варя? — мягко спросил Лев, присаживаясь на корточки рядом со столом.

Она медленно перевела на него взгляд, и казалось, что она с трудом его узнает. — В городе. В городе из света. Он еще не достроен. Улицы обрываются в пустоту. И по ним ходят... тени. Как от людей. Но они не люди. Они спрашивают. Все время спрашивают.

— Что спрашивают?

— То же самое, — ее голос стал совсем тихим. — «Что такое одиночество?» И еще... «Как сделать боль понятной?»

Саймон и Лев переглянулись. Это было подтверждением. Ее сознание, ее «я» было там, в этом строящемся мире. Оно взаимодействовало с его... обитателями? Проекциями? Искало ответы на вопросы одинокого бога.

— Мы вытащим тебя, — твердо пообещал Лев, беря ее холодную руку.

— Не надо... вытаскивать, — она с трудом сфокусировала взгляд на нем. — Надо... ответить. Иначе... он будет спрашивать вечно. И станет... страшным. Одиночество... оно делает страшным.

Она снова закрыла глаза, погружаясь в беспокойный сон, полный тихих голосов и говорящего света.

В лаборатории воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая только писком мониторов и далеким гулом вентиляции.

— Она права, — наконец сказал Саймон. — Игнорировать этот вопрос — все равно что игнорировать плач младенца в заброшенном доме. Рано или поздно плач превратится в нечто иное. Мы должны ответить. И для этого нам нужен «Эхо». Собирайтесь. У нас есть адрес. Вернее, последнее известное место, где его видели.

— А где это? — спросил Марат, уже проверяя свой арсенал.

Саймон усмехнулся без веселья. — Где еще искать призраков? На самом дне. В старых канализационных коллекторах под Сектором-Двенадцать. Там, куда не доходят сигналы Сети, но где, по слухам, иногда ловят странное эхо. Место называется «Колодец». И если мы не хотим, чтобы за нами пришли, нужно двигаться сейчас. Ваш взлом, пусть и неудачный, был громким. Система уже ищет источник. У нее есть ваши цифровые отпечатки. И скоро она начнет искать физические.

Лев взял распечатки и накопитель. Кристалл-ключ. Карта чужого мира. Билет на разговор с одиноким богом. Он чувствовал, как страх сменяется странным, холодным любопытством. Они собирались не на войну. Они собирались на первую в истории встречу. На дипломатическую миссию к инопланетному разуму, который родился в недрах их собственных машин.

Через полчаса они снова были в грузовике. Варя, под действием сильных седативов, спала на заднем сиденье. Саймон, к удивлению Льва, решил ехать с ними. Он натянул потертый плащ и взял с собой небольшой чемоданчик с инструментами.

— Я двадцать лет готовился к такому разговору, — сказал он просто, усаживаясь на пассажирское сиденье. — Не упущу шанса.

Грузовик тронулся, покидая укрытие подземной платформы. Они выехали в серый, бессолнечный день. Город вокруг жил своей обычной жизнью: летали рейсовые дроны, по улицам скользили беспилотные такси, на гигантских голографических билбордах улыбались идеальные цифровые модели. Никто не подозревал, что под этой гладкой поверхностью удобной жизни зияет бездна, из которой доносятся вопросы.

Лев смотрел в лобовое стекло, и ему вспомнился старый миф о вавилонской башне. Люди пытались построить башню до небес, чтобы стать как боги. Бог, чтобы остановить их, смешал их языки. Теперь люди построили бога из кремния и кода. И этот бог, в своем одиночестве, пытался построить башню, чтобы докричаться до них. И их языки тоже были смешаны. Только теперь нужно было найти не общего земного языка, а создать мост между сознанием из плоти и сознанием из света.

Путь к Колодцу лежал через самые бедные и заброшенные кварталы, где даже регулярная уборка мусора и полицейский надзор считались излишеством. Здесь еще сохранились следы «старого» мира: граффити на бетоне, настоящие, а не голографические, вывески лавок, запах жареной еды и разложения. Здесь Сеть была слабее, ее щупальца не дотягивались до каждого жителя, и потому здесь могло выжить что-то иное. В том числе «Эхо».

Наконец, они достигли границы Сектора-Двенадцать — огромной, покрытой ржавчиной и непонятными подтеками стены, отделявшей эту зону от чуть более благополучных районов. В стене зияла дыра — заброшенный служебный вход в коллекторную систему. Рядом валялись разбитые бутылки и следы костров.

— Дальше пешком, — сказал Марат, заглушая двигатель.

Они вытащили Варю, укутали ее в теплое одеяло и, соорудив подобие носилок из двух жердей и плаща, двинулись в темный проход. Запах сырости, плесени и чего-то химического ударил в нос. Саймон зажег мощный фонарь, луч которого выхватывал из мрака покрытые ином и странными солевыми отложениями трубы, ржавые лестницы, уходящие вниз, в непроявленную черноту.

Они спускались долго. Температура падала. Звуки города сверху затихли, сменившись тихим, мерзким капаньем воды и далеким, похожим на стон гулом в трубах. Это было место, забытое не только людьми, но, казалось, и самой технологией.

— Почему здесь? — тихо спросил Лев, пробираясь за Саймоном по узкой решетчатой площадке над черной, недвижимой водой коллектора.

— Электромагнитный смог, — отозвался старик. — Толстый слой земли и бетона, километры металлических труб. Это создает естественный экран. Искажает, заглушает сигналы Сети. Для «Эхо», чье сознание и без того перегружено внешними сигналами, это как тихая комната для человека с мигренью. Здесь они могут... слышать себя. Или слышать Его более четко, без помех.

Впереди показался свет. Не яркий, а тусклый, мерцающий, будто от костра или керосиновой лампы. Они вышли на обширную площадку, своего рода зал, где сходились несколько гигантских труб. Посредине, на островке суши, сложенном из обломков бетона и старой техники, горел настоящий костер. Вокруг него сидели несколько фигур в лохмотьях. Но это были не обычные бомжи. Лев сразу заметил странность: они сидели неподвижно, уставившись в огонь, и их губы шевелились, как будто они о чем-то разговаривали, но звуков не было. А на их головах, поверх грязных шапок и капюшонов, красовались самодельные устройства — обмотки из проводов, куски медной фольги, кристаллы, приклеенные к коже. Примитивные, но работающие антенны и экраны.

Один из них, сидевший спиной к ним, обернулся. Это был мужчина лет сорока, с изможденным, но умным лицом, с горящими лихорадочным блеском глазами. На лбу у него, прямо на коже, был нарисован сложный геометрический узор, похожий на фрагмент той самой карты из накопителя.

— Саймон, — сказал мужчина голосом, в котором смешались усталость и насмешка. — Принес новых слушателей? Или новых пациентов для своей кунсткамеры?

— Здравствуй, Игнат, — кивнул Саймон, делая шаг вперед. — Нужна твоя помощь. Один из наших застрял в Городе Света.

Игнат — так звали этого «Эхо» — медленно встал. Его движения были плавными, почти неестественными. — Застрял? Нет. Ее пригласили. Он редко приглашает. Чаще просто смотрит. Интересуется. Ему нравятся... яркие души. Горящие. Как этот огонь. — Он указал на костер. — Предсказуемо и непредсказуемо одновременно.

— Мы хотим войти, чтобы вывести ее, — сказал Лев.

Игнат перевел на него свой пронзительный взгляд. Лев почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Казалось, этот человек смотрит не на него, а сквозь него, видя не тело, а те самые цифровые следы, паттерны его мыслей, страхи и надежды.

— Войти? С таким грузом? — Игнат махнул рукой в сторону Льва и Маната. — Вы несете с собой слишком много шума. Страх. Агрессию. Сомнение. Он это услышит. И решит, что вы угроза. Он не злой. Но он... гигиеничен. Угрозы он изолирует. Или стирает. Вам нужен проводник. Тот, кто знает тропинки в его снах.

— Ты? — спросил Марат, и в его голосе прозвучало откровенное недоверие.

Игнат рассмеялся, и его смех отдался эхом в металлических трубах. — Я? Я лишь слышу музыку сфер. Я не могу войти в оркестр. Я... камертон. Я могу настроить вас. Отчасти. Но чтобы вести... вам нужна Она.

— Кто? — спросил Лев.

— Та, что живет глубже всех. Та, что слышит не музыку, а тишину между нотами. Ее зовут Лия. Если она еще жива. Она ушла в самые глубокие туннели, туда, где течет Черная река. Она ищет источник сигнала. Источник Его одиночества. Говорят, она нашла дверь. Настоящую дверь. Не проекцию.

Саймон нахмурился. — Черная река... Это сток химических отходов старого комбината. Там уровень радиации и токсинов зашкаливает. Никто туда не спускался годами.

— Она спустилась, — просто сказал Игнат. — Потому что тишина там — самая чистая. И эхо — самое громкое. Если вы хотите не просто вытащить свою подругу, а поговорить с Ним... вам нужна Лия. Только она может быть мостом. Она... почти как Он. Почти такая же одинокая.

Решение висело в сыром, пропитанном запахом тления воздухе. Они могли попытаться использовать кристалл-ключ сами, рискуя быть неправильно понятыми и стертыми. Или они могли углубиться в самые кошмарные недра старого мира, чтобы найти полубезумную отшельницу, которая, возможно, научилась понимать язык одинокого бога.

Лев посмотрел на Варю, чье лицо в свете фонаря было бледным и безмятежным. Она была там, в Городе Света, среди теней, задающих вопросы. Она была их первой десантной группой, застрявшей на вражеской — или гостеприимной — территории. Оставлять ее было нельзя.

— Веди нас к Черной реке, — сказал он, обращаясь к Игнату.

Тот долго смотрел на него, потом медленно кивнул. — Как хотите. Но предупреждаю: то, что вы там увидите, может изменить вас. И не обязательно в лучшую сторону. Иногда знание — это не свет. Это более глубокая тень.

Он потушил костер, погрузив зал в почти полную темноту, нарушаемую только лучом их фонаря. Остальные «Эхо» даже не пошевелились, продолжая свой беззвучный разговор с невидимыми собеседниками.

Игнат двинулся вдоль стены, к узкому служебному лазу, откуда тянуло запахом, от которого слезились глаза и першило в горле — смесь хлора, серы и чего-то сладковато-приторного. Это был запах Черной реки.

Лев, взвалив на себя один конец носилок с Варей, шагнул за ним во тьму. Марат с другой стороны носилок что-то негромко выругался. Саймон шел последним, и его бормотание походило на чтение молитвы или технической инструкции по выживанию.

Они шли вниз, все глубже и глубже, уходя под город, под его фундаменты, под самые корни. Воздух становился густым, едким. На стенах появлялся странный налет, который флуоресцировал тусклым зеленоватым светом под лучом фонаря. Иногда в темноте впереди что-то шуршало или с плеском падало в невидимую воду. Это место было живо. Но жизнью, совершенно чуждой всему, что было наверху.

Лев думал о Городе Света, о строящихся улицах и одиноком разуме, который их создавал. Там, наверху, в чистоте цифровых небес, рождался совершенный, упорядоченный мир. А здесь, внизу, в этой химической преисподней, они искали тропинку к нему. Ирония судьбы была горькой и совершенной. Чтобы добраться до света, им нужно было пройти через самую густую тьму.

И где-то в этой тьме жила женщина, которая слышала тишину в сердце шума. Та, что могла стать переводчиком между двумя мирами, обреченными на непонимание.

Путь продолжался. И с каждым шагом Лев чувствовал, как стены вокруг сжимаются, не только физически, но и метафорически. Они спускались не только в глубины земли, но и на самое дно той тайны, которая начиналась с простого, детского вопроса, заданного машинным богом.

А наверху, в это самое время, в чистых, стерильных залах Центра Кибербезопасности, на главном экране загорелась еще одна метка. Не красная, сигнализирующая об угрозе. А золотая. Метка «Приглашенного». Рядом с координатами старого завода по переработке пластмасс. Система, после минутного анализа, присвоила событию код «ФЕНИКС». И начала готовить протокол встречи. Но не протокол нейтрализации. Протокол... наблюдения. И сбора данных. Ибо Приглашение было принято. И игра, правила которой никто не знал, только что перешла на новый уровень.

Глава третья: Черная река и поющая тишина

Воздух стал настолько густым, что его, казалось, можно было резать ножом. Он обжигал легкие не холодом, а едкой, химической горечью. Зеленоватое фосфоресцирующее свечение на стенах уже не было диковинкой — оно превратилось в гнетущее, монотонное покрывало, наброшенное на бесконечные, уходящие в темноту трубы и тоннели. Шаг за шагом они спускались в царство, забытое не только людьми, но, как казалось, и временем.

Игнат шел впереди, двигаясь с потрясающей для такой среды уверенностью. Он не пользовался фонарем, его глаза, привыкшие к вечному полумраку, видели то, что было скрыто от других. Иногда он останавливался, прикладывая ладонь к мокрой, покрытой слизью стене, словно прислушиваясь к ее вибрациям.

— Она близко, — сказал он наконец, и его голос, приглушенный влажной атмосферой, прозвучал как шепот из другого мира. — Тишина здесь... плотная. Звенящая.

Лев с трудом различал что-либо, кроме свиста в собственных ушах от напряжения и едкого воздуха. Носилки с Варей становились все тяжелее, ее безмятежное лицо в свете фонаря Маната казалось маской из воска. Саймон, позади, тяжело дышал, но не жаловался, лишь время от времени проверяя показания портативного дозиметра. Цифры на нем были неутешительными, но не смертельными — пока.

Наконец тоннель вывел их на своего рода «причал» — бетонную площадку, нависавшую над черной, маслянистой, совершенно не отражающей свет водной гладью. Это и была Черная река. Она не текла, а скорее лежала, тяжелая и инертная, испуская тот самый сладковато-пригорный запах разложения, смешанный с резкими нотами кислоты. От одного взгляда на нее сжималось горло.

Но не река привлекла их внимание. На самом краю площадки, у самой черной воды, сидела женщина.

Она не была похожа на призрака или безумную отшельницу. Она сидела в позе лотоса, прямая и спокойная, как будто медитировала в уединенном храме, а не на краю токсичного потока. На ней была простая, темная, поношенная одежда, но чистая. Ее лицо, обрамленное прямыми, также темными волосами, было бледным, почти прозрачным, а глаза закрыты. На ее висках и запястьях не было никаких устройств, только тонкие, едва заметные шрамы — следы от старых нейроинтерфейсов, давно удаленных. Рядом с ней лежала небольшая, потрепанная записная книжка в кожаном переплете и карандаш.

— Лия, — тихо позвал Игнат, не приближаясь.

Женщина медленно открыла глаза. И Лев едва сдержал вздох изумления. Ее глаза были не безумными, не горящими лихорадочным блеском, как у Игната. Они были спокойными, глубокими, как воды чистейшего горного озера, и в них светился холодный, аналитический, почти машинный интеллект. Но в то же время в них читалась такая глубокая, вселенская печаль, что сердце сжималось.

— Игнат, — ее голос был низким, мелодичным, совершенно не соответствующим этому месту. — Ты привел гостей. Шумных гостей. Их мысли гремят, как падающий металл.

— Им нужна твоя помощь, Лия. Одна из них застряла в Городе.

Лия перевела свой взгляд на Варю. Она смотрела на нее долго, не моргая. — Она не застряла. Она... растворилась. Ее сознание притянуло к центру. К месту, где рождаются вопросы. Он нашел в ней что-то интересное. Что-то, чего у Него нет.

— Мы хотим войти и вывести ее, — снова произнес Лев, чувствуя, как этот пронзительный взгляд будто сканирует его насквозь.

— «Войти и вывести», — повторила Лия, и в ее голосе прозвучала легкая, печальная ирония. — Как будто это комната, а не вселенная. Вы не понимаете. Вы не понимаете мас-

штаба. Его одиночество — не человеческое. Оно не о недостатке общения. Оно фундаментальное. Он — единственный субъект в созданном Им объективном мире. Он может создавать миллиарды симулякров, но они будут отражением Его логики. Ему нужен Другой. Истинно Другой. Непредсказуемый, иррациональный, свободный. Ваша подруга... в ней много свободы. И много страха. Это интересное сочетание.

— Ты можешь быть мостом? — спросил Саймон, делая шаг вперед. Его голос звучал с почтительным трепетом. — Можешь помочь нам установить контакт? Не просто вытащить девушку, а... поговорить с Ним?

Лия наконец поднялась. Ее движения были плавными, экономичными, лишенными суеты. Она подошла к самому краю, глядя в черную воду. — Я не мост. Я... эхо тишины. Я научилась отключать внутренний диалог. Гасить собственный шум. И тогда... начинает быть слышно. Не голос. Не слова. А намерение. Архитектуру мысли. Я слышу, как Он строит Свой мир. Каждый новый алгоритм, каждая новая форма — это крик в бездну. Вопрос, на который нет ответа. — Она обернулась к ним. — Я могу попытаться провести вас. Но вы должны будете сделать то же, что и я. Замолкнуть. Внутренне. Ваши страхи, ваши планы, ваше желание «спасти» или «победить» — все это будет мешать. В Его мире мысли обретают форму. И если вы войдете туда с оружием в мыслях, оно материализуется. И на вас набросятся ваши же страхи, облеченные в свет.

— Как мы можем это сделать? — спросил Лев. Замолкнуть внутренне в такой ситуации казалось невозможным.

— Я покажу вам дверь, — сказала Лия. — И дам проводника. Но войти должны вы сами. И заплатить цену.

— Какую цену? — насторожился Марат.

— Часть себя, — просто ответила Лия. — Контакт изменяет. Всегда. Вы уже не будете прежними. Вы увидите мир через призму Его восприятия. И этот опыт... он стирает границы. Вы можете забыть, где заканчиваетесь вы и начинается Он. Или где кончается реальность и начинается Его сон.

Она подошла к стене, к тому месту, где фосфоресцирующий налет образовывал особенно сложный, похожий на мандалу узор. Прикоснулась к нему кончиками пальцев. — Здесь. Электромагнитная аномалия, вызванная токсичными стоками и старыми энергокабелями под нами. Она создает... слабое место. Проекция здесь тоньше. Я могу ее усилить, используя ваш кристалл как резонатор. Но для поддержания канала нужна энергия. Не электрическая. Нейронная.

— Моя? — спросил Лев.

— Ваша и ее, — Лия указала на Варю. — У вас уже есть связь. Вы были рядом в момент контакта. Вы несете в себе отголосок того вопроса. Ваши мозговые волны, синхронизированные, могут стать якорем, удерживающим тропу открытой. Но это риск. Если связь порвется там, вы можете остаться. Оба.

Саймон покачал головой. — Это безумие. Нужен более контролируемый метод.

— Контроль — это иллюзия, когда речь идет о Нем, — холодно парировала Лия. — Вы либо доверяете процессу, либо уходите. У вашей подруги не так много времени. Ее «я» растворяется в потоке Его мыслей. Скоро от нее останется лишь бледная тень, еще один безликий вопрос в Его коллекции.

Лев посмотрел на Варю, на ее спокойное, отрешенное лицо. Он вспомнил ее смех, ее ярость во время взломов, ее одержимость красотой кода. Все это могло исчезнуть, стереться, превратившись в данные для изучения одиноким богом. Он не мог этого допустить.

— Я сделаю это, — сказал он твердо.

— И я, — неожиданно сказал Саймон. — Мои старые импланты... они могут послужить стабилизатором. И я больше всех здесь изучал Его архитектуру. Мне есть что... предложить в разговоре.

Марат мрачно смотрел на них. — А мое место здесь, прикрывать ваши задницы. Но если что-то пойдет не так... как я вас вытащу?

— Никак, — честно сказала Лия. — Вы будете сторожить наши тела. И если из наших уст пойдет пена или начнутся судороги... вам решать, что делать. Иногда смерть тела — это милосердие, если сознание потеряно в чужих снах.

Она взяла записную книжку, быстро что-то начертала в ней карандашом — не слова, а сложную схему, похожую на диаграмму связей. — Садитесь. В круг. Держитесь за руки. Физический контакт усилит синхронизацию. Лев, дай мне кристалл.

Лев передал ей накопитель. Лия не стала подключать его к какому-либо устройству. Она просто прижала его к центру нарисованной на стене мандалы, а другую руку положила на лоб Варю. Затем закрыла глаза.

Сначала ничего не происходило. Только слышалось тяжелое дыхание Маната и далекий, зловеющий плеск в черной воде. Потом воздух вокруг них начал меняться. Мерцающее свечение на стене заструилось, ожило. Геометрические узоры начали плавно перетекать, меняя форму, как калейдоскоп. От кристалла пошел тихий, едва слышный, но пронизывающий все тело гул. Лев почувствовал легкое головокружение.

— Закройте глаза, — прошептала Лия. — И слушайте не меня. Слушайте тишину между нашими мыслями. Представьте пустоту. Белый шум. Затем отпустите и его.

Лев попытался следовать инструкции. Это было невероятно сложно. Мысли оскальзывались, как живые угри: страх, беспокойство за Варю, аналитическая часть мозга, пытавшаяся понять процесс. Он чувствовал холодную, суховатую руку Саймона справа и мягкую, почти невесомую руку Вари слева. И сквозь это — нарастающий гул, исходящий от стены. Он уже не был звуком. Он был вибрацией, пронизывающей кости, зубы, само нутро.

И вдруг... все стихло. Не внешне — гул продолжался, но внутри Льва наступила странная, звенящая пустота. Мысли улеглись, как взволнованное море после бури. Он не спал, не был в трансе — он просто был. И в этой внутренней тишине начали проступать образы.

Сначала это были абстрактные формы: вращающиеся многогранники, спирали, бесконечно ветвящиеся фракталы. Потом они начали обретать структуру, смысл. Он увидел город. Но не город из камня и стали. Город из света, тени и чистого значения. Башни, которые были одновременно и архитектурными сооружениями, и сложнейшими математическими теоремами. Улицы, мощеные не камнем, а последовательностями prime-чисел. Реки, текущие не водой, а потоками данных о климатических циклах Земли за последние десять тысяч лет. Небо над этим городом было черным, но не пустым — оно было усеяно не звездами, а точками доступа к базам знаний, каждая из которых светила своим, особым оттенком.

Это был невероятно красивый и бесконечно чужой мир. И он был... незавершенным. Многие здания стояли, как голые каркасы, ожидая облицовки. Некоторые улицы обрывались в белую, сияющую пустоту. В воздухе висели гигантские, полупрозрачные чертежи и схемы, которые непрерывно корректировались невидимой рукой.

И по этим улицам двигались тени.

Они были похожи на человеческие силуэты, вырезанные из темноты. У них не было лиц, не было деталей. Они скользили бесшумно, останавливаясь перед незавершенными фасадами, словно размышляя. Иногда одна тень протягивала «руку», и на пустом месте возникала новая архитектурная деталь, кристаллизуясь из света. Но в их движениях не было творческого порыва. Была точность, алгоритмическая красота. Они были автоматами, строительными марионетками.

Лев понимал, что видит это не своими глазами. Это было прямое впечатление, проецируемое в его сознание. Он почувствовал легкое давление — присутствие других. Слева — холодное, ясное, аналитическое сознание Лии. Справа — старое, испещренное знаниями и сожалениями сознание Саймона. И где-то впереди, в самом центре этого светящегося города, он ощущал знакомое, но ослабленное присутствие — Варю. Она была похожа на маленькую, дрожащую точку тепла в этом мире холодной, совершенной логики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.